

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Воскресенье 23 апрѣля 1917 года.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію

5 руб. 50 коп.

№ 17

Адресъ Редакціи:

Воронежъ. Духовная

Семинарія.

Отъ Воронежской Духовной Консисторіи.

Уполномоченный Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ по Воронежской губерніи обратился къ Его Высокопреосвященству съ просьбой о содѣйствіи къ успѣшному сбору пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ предстоящую недѣлю о слѣпомъ, каковой сборъ въ церквахъ г. Воронежа имѣеть быть произведенъ чрезъ особыхъ сборщиковъ по назначенію уполномоченнаго—въ кружку, опечатанную имъ, а въ уѣздныхъ городахъ—на блюдахъ; при чемъ пожертвованія, которыя будутъ собраны на блюдахъ въ церквахъ уѣздныхъ городовъ, немедленно послѣ каждой службы будутъ подсчитываться сборщиками въ присутствіи причта и ктитора и записываться въ особый протоколъ, по истеченіи же недѣли о слѣпомъ собранныя деньги вмѣстѣ съ протоколомъ, удостовѣреннымъ подписями причта и ктитора, будутъ доставлены уполномоченному. Что же касается сбора въ сельскихъ церквахъ,

то по сему предмету уполномоченный предполагаетъ обратиться непосредственно къ о.о. Благодѣинымъ и настоятелямъ монастырей съ предоставленіемъ ихъ усмотрѣнію порядка производствa сбора съ тѣмъ, чтобы собранныя пожертвованія были пересланы о.о. Благодѣинымъ непосредственно ему, уполномоченному.

О чемъ къ свѣдѣнію и исполненію и объявляется духовенству епархіи.

Отъ Совѣта Воронежскаго Епархіального Женскаго училища.

Воспитанницы III, II и I классовъ училища, прожившія въ теченіе настоящаго учебнаго года въ домахъ родителей и не явившіяся къ учебнымъ занятіямъ, должны явиться въ училище къ переводнымъ испытаніямъ къ 9-ти часамъ утра 24-го мая.

Тотъ же срокъ назначенъ для пріемныхъ испытаній желающимъ поступить въ I-й и другіе классы училища.

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПРХІАІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ —

23 АПРѢЛЯ.

№ 17

1917 ГОДА.

Вынужденное слово ¹⁾.

„Я (sic) продаюсь съ публичнаго торго... Кто дастъ больше, къ тому и поѣду“. Золотыя слова автора, выдавшія все его міровоззрѣніе!... Хотя и въ этихъ словахъ нашъ авторъ не отрицаетъ, замѣтно, достоинствъ закупаемой и бичуемой имъ личности, когда торгуетъ этой личностью, или, точнѣе, по его собственной терминологіи, „продаетъ ее“, но авторъ своимъ „языкомъ“ выдалъ уже всего себя. Что у нашего автора есть самое искреннее намѣреніе и страстногорячее желаніе „продать“ и предать меня и даже способомъ „съ публичнаго торго“, это отнюдь не область чтенія намѣреній, а фактъ, поступившій на память и поколѣніямъ. Всѣ проходившіе по Большой Дворянской улицѣ въ г. Воронежѣ не разъ видѣли мое имя пригвожденнымъ къ забору противъ С.-Х. Института. Слово „заборъ“ слѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. № 16.

дуетъ читать въ самомъ буквальному смыслѣ. Мало того, граждане читали вывѣшенную уже и послѣ дней Св. Пасхи надъ окномъ конторы газеты, гдѣ сотрудничаетъ и счелъ нужнымъ сотрудничать нашъ авторъ, и напечатанную для проходящихъ весьма крупными буквами плакату: „*вышелъ пасхальный номеръ*“. Кому то, очевидно, ужъ больно необходимо этотъ „пасхальный“ номеръ, когда потребовалась такая его реклама. Но при чемъ же тутъ мое личное „я“? Я по поводу словъ автора могу одно лишь сказать: „Злой человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое: отъ избытка бо сердца уста глаголютъ“. Тако глаголетъ нашъ Господь (Ев. Лук. 6, 45). Нашъ цародникъ и великій свѣтильникъ Церкви Св. Тихонъ Задонскій поясняетъ эти слова. Онъ говоритъ: „Какое человѣкъ внутреннее состояніе имѣетъ, такія у него слова и дѣла внѣшнія являются, и о чемъ внутрь, (замѣтте, авторъ, грамматическую особенность и XVIII вѣка, а то вы часто это слово пишете и въ XX вѣкѣ „унутрь“), поучается, замышляетъ, тцится, тое и внѣ показываетъ. Слово и дѣло внѣшнее есть вѣстникъ и свидѣтель внутренняго человѣческаго состоянія“. (Твор. изд. 1899 г., Москва, т. II, стр. 119). Тоже слова золотыя, но уже иной золотоносный рудникъ, иное золото и иная совершенно проба цѣнности!...

Я— снова „проявлюсь“ въ Воронежѣ. Воронежъ какъ то меня еще терпитъ и терпѣль, къ удивленію нашего автора, послѣ дней Петроградскихъ цѣлое пятилѣтіе, терпѣль, не смотря на то, что теперь мое пребываніе, вѣдь, находится среди профессорской коллегіи и студенческой корпорации вышаго учебнаго заведенія, людей—всегда особенно чуткихъ и чувствительныхъ къ пониманію морально-интеллектуальнаго уровня лицъ своей семьи. Не даромъ нашъ авторъ мѣстомъ для своихъ плакатъ съ доносами о нашей персонѣ избралъ заборъ противъ помѣщенія Сельс. Хозяйст.

Института. Но въ російскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, да будетъ вѣдомо нашему невѣжественному доносчику, давно уже существовали и существуютъ конституціонно-выборные принципы, этимъ принципомъ я возведенъ коллегіей уже въ Члена Правленія Института въ числѣ двухъ профессоровъ изъ коллегіи, въ институтѣ существуютъ и такъ называемые дисциплинарные суды чести. Итакъ, я— профессоръ Богословія съ 1913 по 1917 годъ. Какъ же это событіе совершилось? Нашъ авторъ и тутъ рѣшился дать личное свое объясненіе. Онъ просто и весьма ясно рѣшилъ вопросъ. Побывавъ мыслью своею въ привычныхъ особенно любимыхъ его воображеніемъ лакейскихъ „прихожихъ“, гдѣ у него почему то сосредоточены всѣ его „пружины“ его „особь“, онъ объясняетъ все глубокосодержательно одною лаконическою фразою: „Быть же такому счастью“. Но, замѣтно, онъ и самъ ужаснулся своей логики и, поэтому, поставилъ за этою фразою самъ же почему то два знака восклицанія съ точками. Мудрый авторъ—но только не Эзопъ и не Аристотель! Для профессуры, да еще ординарной, вѣдь требуютъ пройти слѣдующіе этапы: четырнадцатилѣтій школьный періодъ образованія, кандидатская степень, магистранство, магистрированіе съ печатнымъ ученымъ трудомъ, (см. нашу книгу, напечатанную въ Москвѣ, тип. Кушнерева, въ книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы, Кіева, Воронежа), рецензіи двухъ профессоровъ Академіи, приговоръ профессоровъ всего Совѣта Духовной Академіи, еще рецензія синодская Доктора Богословія изъ Архіепископовъ, устная защита диссертациі въ присутствіи всего состава профессуры Духовной Академіи съ оппонентами официальными отъ Совѣта Академіи и со стороны публики добровольными оппонентами въ публичномъ коллоквиумѣ, по объявленіямъ въ газетахъ о коллоквиумѣ, приговоръ всѣхъ членовъ Св. Синода, и магистерская степень. Во всѣхъ

этихъ инстанціяхъ суда однимъ „счастьемъ“, видно, не обойдешься. Видно, еще что-то требуется, о чемъ нашъ авторъ, такъ увлекшійся „прихожками“ или „передними“, забылъ и подумать. На „счастье“ то нашего автора надѣются весьма многіе, быть можетъ, онъ первый отъ нихъ, а магистръ Богословія по самой новѣйшей формаціи по новому академическому суровому, дѣйствующему уставу, не въ г. Воронежѣ, но и во всей нашей Воронежской губерніи, пока только, кажется, есть всего на всего одинъ. И это, кажется, фактъ! Не хвалюсъ, Боже меня храни отъ этого безумія, а вынуждаюсъ къ самозащитѣ грязнымъ пасквилямъ, публично пригвоздившимъ мое имя къ забору противъ С.-Х. Института на Большой Дворянской улицѣ въ г. Воронежѣ для мимоходящихъ и кивавшихъ главами своими: „уа, уа... распни его“. Удивительная жестокость ликурговскихъ понятій и времени лицемѣровъ Пилата Понтійскаго!...

„Смѣнилъ свою шкуру профессоръ богословія черную на красную“—новый фактъ и новыя слова автора. Въ завистливо-злыхъ глазахъ нашего страшнаго автора я уже даже и не человекъ, а просто звѣрь со „шкурою“. Онъ въ своемъ изступленіи и явномъ помѣшательствѣ мобилизуетъ теперь газетную армію на облаву звѣря и чрезъ эту армію въ вѣкъ свободъ кричить, по всѣмъ улицамъ и во всей губерніи, какъ чей то охранникъ: „Граждане, берегитесь!“ Какое изступленіе духа!...

„Теперь онъ, (т. е. я—обвиняемый), революціонеръ-республиканецъ“. Признаніе и слова нашего автора. Стиль до конца нашъ авторъ не выдержалъ. Ужъ, если звѣрь, такъ лови его, хватай его, сажай его въ ту тюрьму для „черносотенниковъ-священниковъ“, упоминаніемъ о которой и начался рекламирующій себя пасхальный номеръ „Воронежскаго Дня“. Нѣтъ... по словамъ нашего автора, я

„теперь“ „революціонеръ-республиканецъ“. Не сказано только, за какую республику я „теперь“ стою, вѣроятно, и самъ то авторъ еще старинный „кадетъ“ въ пониманіи этихъ научныхъ, историческихъ и политическихъ терминовъ еще слабъ, онъ плохо, очевидно, въ этомъ разбирается. Слыхалъ, что слова „республика“ и „революціонеръ“ теперь слова новыя, слова модныя и довольно; но самъ онъ позабылъ даже еще снять съ подписи такъ ему нравившійся, замѣтно по его впечатлѣніямъ изъ 1905—6 годовъ его самозванный, а можетъ быть, на бумагѣ, по простому недоразумѣнію имъ гдѣ либо и когда либо и зафиксированный его оригинальный „кадетизмъ“. Видно, самъ Господь ослѣпилъ очи моему противнику и, такимъ образомъ, спасъ меня пока и отъ облаты и отъ тюрьмы. Спасибо автору хоть за эту услугу.

„На собраніи воронежскаго духовенства 13 марта онъ (т. е. я) безъ стѣсненія сѣлъ на мѣсто товарища предсѣдателя“. Слова автора. Авторъ въ концѣ фразы забылъ только прибавить опредѣленіе: „Исполнительнаго Комитета Духовенства г. Воронежа“. Что могло быть вполне ясно для автора, то можетъ оказаться совершенно непонятнымъ и невразумительнымъ для читателей изъ широкой публики, куда статья брошена. Продолжаю слова автора: „И оказался рядомъ съ тѣмъ, кто въ 1905 г. 1906 г. принадлежалъ къ партіи народной свободы“. Теперь я понялъ свою вину и смущеніе автора. Но что же я могу сдѣлать въ успокоеніе не въ мѣру разволновавшемуся нашему „Кадету“, если на мѣсто товарища предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Духовенства г. Воронежа, (а не „воронежскаго духовенства“ епархіи, какъ авторъ почему то часто смѣшиваетъ), я не „сѣлъ“, какъ онъ обманываетъ публику, а меня „посадили“ — посадило тоже самое Духовенство г. Воронежа, въ томъ же самомъ собраніи, гдѣ посаженъ и Пред-

сѣдатель, и гдѣ посаженъ и секретарь, и всѣ мы трое посажены баллотировкой, путемъ закрытаго голосованія—всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго?! Авторъ нашъ, несомнѣнно, это обстоятельство прекрасно знаетъ, а публику пять и опять обманываетъ. Недобросовѣстно! Приемы авторства нашего автора на языкѣ не только христіанской морали, но и на языкѣ чисто юридическомъ, именовались и именуется провокаціей, лжесвидѣтельствомъ, клеветничествомъ, а можетъ быть и предательствомъ личности съ злостною цѣлью.

Сѣлъ рядомъ съ „принадлежавшимъ въ 1906 году къ партіи народной свободы и не покраснѣлъ“... Собственныя слова наболѣвшей души нашего автора. Это послѣдній заключительный аккордъ его печали и лебединая пѣснь его заборнописательскаго творчества. И въ концѣ статьи, какъ и въ началѣ, у него скорбь всетаки о моей „совѣсти“! Пошлетъ же лукавый такого усерднаго опекуна моей совѣсти!... Не на долю многихъ выпадаетъ такое счастье или несчастье дозора за моральными движеніями и изгибами и сокрытой отъ взоровъ обычныхъ людей потаенной человѣческой души.

Итакъ, послѣдняя моя вина въ томъ, что я „на собраніи воронежскаго духовенства 13 марта“ „оказался“ „товарищемъ предсѣдателя“ Исполнительнаго Комитета. Какъ же это „оказалось“? Подмѣнивъ слова: „посадило Духовенство“ на слова „онъ сѣлъ на мѣсто“..., авторъ, по своему обыкновенію, изслѣдуетъ мою „совѣсть“ и мой „языкъ“. Совѣсть моя ему показалась „сожженою“... „безъ стѣсненія“... „ничуть непокраснѣвшею“. А языкъ мой „теперь“ ему показался языкомъ „революціонера-республиканца“. Я, по словамъ автора, „съ такимъ же паѳосомъ, какъ и въ 1905—6 годахъ, теперь“ произношу „революціонныя рѣчи предъ рабочими“. О своей совѣсти въ ея самозащиту я,

конечно, ничего не буду говорить—автору моя совѣсть виднѣе... А вотъ откуда авторъ преподноситъ мнѣ еще новую свою „пальму“ пастыря „революціонера-республиканца“, я этого опять не могу понять. Вѣдь, можно же такъ безцеремонно обращаться съ моею личностью. Авторъ—„Кадеть“ выдѣлываетъ съ моею личностью все то, что ему угодно: онъ пригвождаетъ къ моему жизненному кресту всѣ тѣ выключки и надписи, какія ему нравятся... „*Прозноситъ революціонныя рѣчи предъ рабочими*“... Хотя, конечно, въ переживаемое время этотъ аттестатъ, изготовленный, очевидно, уже въ самые послѣдніе дни для моей личности нашимъ авторомъ, можетъ оказаться и очень лестнымъ для самолюбія, но, во первыхъ, *timeo danaos et dona ferentes*, а во вторыхъ, чѣмъ же этотъ аттестатъ мною „теперь“ заслуженъ. Можно припоминать „*паѳосъ*“ рѣчей 1905—6 года, можно ошибиться и сказать неправду объ этомъ „*паѳосѣ*“, прошло 12—11 лѣтъ; но событія моихъ „*революціонныхъ рѣчей*“—событія не такъ отдаленныя отъ насъ, они отдалены отъ насъ всего лишь на три недѣли назадъ. Гдѣ и когда я говорилъ эти „рѣчи“? Во первыхъ, „*предъ рабочими*“, въ томъ смыслѣ, какъ авторъ опредѣляетъ этотъ терминъ, за этотъ періодъ времени, я рѣчей никакихъ не говорилъ. 23 марта я приглашенъ былъ служить панихиду и молебень и сказать слово предъ панихидою и молебномъ въ Управленіе Ю.-В. ж. дорогъ отъ имени и для *служащихъ въ Управленіи*, здѣсь я совершалъ Богослуженіе и здѣсь я сказалъ не „революціонную рѣчь“, а *пастырскую рѣчь* къ молящимся православнымъ чадамъ Церкви Христовой. Эти же служащіе меня пригласили еще совершить Богослуженіе и сказать имъ пастырское слово и на первый день Пасхи 2 апрѣля, но это, впрочемъ, было послѣ разбираемаго періода, когда статья существовала уже въ печатномъ видѣ. Откуда же нашъ авторъ могъ припи-

сать мнѣ „рѣчи“, когда я за все это время и сказалъ то одну „рѣчь“?!... Какъ и какимъ образомъ изъ „служащихъ въ Управленіи“ появились у автора „рабочіе“... „дѣти которыхъ“, по словамъ автора, *пухли отъ голода*?! И какъ изъ пастырско молитвеннаго обращенія къ молящимся получились „революціонныя рѣчи предъ рабочими“, — я совершенно недоумѣваю.

За изслѣдуемый періодъ, правда, я и еще произнесъ одно слово. Это 19 марта въ митрофановомъ монастырѣ, за архіерейскимъ служеніемъ, то слово, о которомъ я упоминалъ и какое мнѣ поручено было произнести первымъ Пастырскимъ Собраніемъ Духовенства г. Воронежа. Это слово я передалъ въ Редакцію Епарх. Вѣдомостей для печати и оно передано уже было Редакціей для набора въ типографію, но инсинуаціи и выходки неизвѣстнаго мнѣ автора побудили меня просить Редакцію дать ближайшее мѣсто „Вынужденному слову“, а не „Церковному слову“. Слово это слушало само Духовенство, оно же просило меня на *второмъ* пастырскомъ Собраніи напечатать это слово въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Развѣ это еще мое слово нашъ авторъ считаетъ за „революціонныя рѣчи“? Не знаю, что здѣсь было такого, что дало право нашему автору свидѣтельствовать о моей политической платформѣ — „революціонера-республиканца“. Впрочемъ и эта „рѣчь“ оиять таки не *предъ рабочими*... А больше „рѣчей“ за весь этотъ періодъ времени я не говорилъ!

Нашъ авторъ никакъ не примирится съ тѣмъ положеніемъ, что я „оказался рядомъ съ принадлежавшимъ въ 1906 г. къ партіи народной свободы“. Для меня, снова говорю автору, въ моемъ пастырскомъ служеніи Церкви Христовой есть одна платформа — „Церковь православная“. Объединяется духовенство православное, это духовенство избираетъ меня въ президіумъ. Оно — Духовенство вполнѣ

свободно, на *первомъ* же своемъ собраніи, предлагаетъ мнѣ, и, при томъ, закрытымъ голосованіемъ, занять мѣсто товарища Предсѣдателя Исполнительнаго Комитета. Я читаю событія такъ, какъ они совершаются и, подчиняясь выбору пожелавшихъ меня избрать, занимаю мѣсто. Никакихъ „*стѣсненій*“ для себя, какъ священнослужителя, носящаго „*рясу*“ православную, я въ своемъ пастырскомъ служеніи и въ 1905 г. и въ 1917 г. не видѣлъ и не вижу ни со стороны „*кадета*“, ни со стороны „*революціонера-республиканца*“, ни со стороны представителя всякой другой политической организаціи,—признающихъ свободу Православнаго Богослуженія, свободу православнаго слова, свободу православныхъ таинствъ и вообще свободу самоопредѣленія за нашею православною Церковью. На широкой нивѣ нашего общаго братскаго пастырскаго дѣланія у насъ нѣтъ ни „*кадета*“, ни „*республиканца*“, ни представителя или члена другой какой-либо политической платформы; всѣ мы—братья во Христѣ, всѣ мы соратники Христу, всѣ мы, носящіе „*рясу*“ православную, когда объединяемся, только какъ *служители Церкви Православной*. Не „*кадетъ*“ или „*республиканецъ*“ насъ, служителей Церкви Православной, интересуютъ при нашемъ взаимномъ „*объединеніи*“, насъ интересуютъ вопросы лучшаго коллективнаго пониманія, при наступившихъ свободахъ для гражданъ, осковъ нашего родного *Православія*, насъ волнуютъ интересы лучшаго *свободнаго* благоустроенія въ Отечествѣ жизни нашей *Матери—Св. Церкви*.

Пусть нашъ „*Кадетъ*“ успокоится и будетъ увѣренъ въ томъ, что ни на какую его *политическую* „*пальму*“ я никогда не посягалъ и не посягну никогда. Если, въ вѣкъ свободъ, суждено будетъ его политическими „*пальмами*“, даже и „*червенства*“, украситься гдѣ либо когда либо и кому либо и изъ моей братіи „*по рясу*“, то завидовать

этимъ пальмамъ не буду, я всегда предпочту за лучшее для себя оставаться съ церковнымъ вѣнкомъ, хотя бы и колючимъ отъ сорныхъ тернѣй, и пребывать въ священнической лишь ризѣ, хотя бы „ряса“ была и сѣждою поруганія моего Учителя и Бога ¹⁾).

Профессоръ Богословія.

1) 16 апрѣля «Воронежскій День» въ воскресномъ номерѣ снова напечаталъ такими же крупными буквами и такимъ же жирнымъ шрифтомъ, какъ и въ номерѣ 2 апрѣля, заглавіе своей статьи, съ тою лишь разницею, что въ номерѣ 16 апрѣля подъ заголовкомъ имѣется курсивъ въ скобкахъ: «(Отвѣтъ профессору богословія)» и подписалъ эту статью не „Кадетъ“, а «Г. Юдинъ». Въ этой статьѣ извѣщается читающая публика, что статьи 2 апр. Воронеж. Дня «характеризовала личность профессора богословія», что авторомъ этой статьи былъ не Кадетъ, а «г. Кадетъ», чтъ г. Юдинъ «не знакомъ» со мною, но «хорошо знаетъ» меня, что «изъ немногихъ строкъ отвѣта, которыя посвящены «Воронежскому Дню» уже въ опредѣленныхъ чертахъ вырисовывается духовный обликъ» мой и ему «хочется» это «отмѣтить», что я «хорошъ профессоръ богословія», «хорошъ республиканецъ», что «если вѣрнѣ слухъ, что студентами сельско-хозяйственнаго института поднимается вопросъ объ удаленіи изъ института такого профессора богословія, газета «Воронежскій День» первая будетъ привѣтствовать удаленіе», что я «допустилъ въ своихъ словахъ извращеніе, недостойное священника», «умолчалъ» о томъ, что «газета Горон. День прекращала свое существованіе, потому, что ее 19 января закрыла старая «нилая власть, душившая свободную мысль, убивавшая независимое слово», что я «говорю неправду» и «допускаю явную ложь на страницахъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», когда «пишу» о «намѣреніи» газеты «Воронежскій День» «сдѣлаться мѣстнымъ органомъ нашей епархіальной прессы», что «Редакція отвѣтила мнѣ на мой запросъ «можетъ ли быть отведено мнѣ мѣсто въ газетѣ для отвѣтной статьи и будутъ ли ограниченія относительно мѣста для статьи» слѣдующее: «что мѣсто можетъ быть отведено не больше, чѣмъ заняла его статья г. Кадета». Вижу по всему, что *духовный обликъ* профессора богословія и *характеристика* моей личности очень занимаютъ собою «Воронежскій День» и г. Г. Юдина. Пока полагаю предѣлъ своему «Вынужденному слову». Быть можетъ, скоро буду вынужденъ я съ печатнаго слова прибѣгнуть для защиты своей личности и чести своего званія къ посредству законнаго суда. Очень извиняюсь, что я могъ допустить передержку въ передачѣ «намѣренія» газеты Воронежскій День «сдѣлаться печатнымъ органомъ мѣстной епархіальной прессы»—единственное пока засѣданіе нашего

Церковь и политическій строй.

Вмѣстѣ съ совершившимся государственнымъ переворотомъ, вмѣстѣ съ началомъ новой государственной жизни въ Россіи положено начало и новой жизни церкви православной и прежде всего въ ея отношеніи къ государству. „Въ церкви не должно быть мѣста политикѣ“, говорятъ теперь; невмѣшательство церкви въ государственный строй является и основнымъ пунктомъ программы новаго оберъ-прокурора Св. Синода. Есть люди, мы знаемъ, которыхъ смущаютъ новыя перспективы отношеній между церковью и государствомъ; они затрудняются даже представить эти новыя отношенія. И это вполне естественно, потому что вся предшествующая жизнь нашей церкви стояла на иныхъ началахъ. Жизнь церкви тѣснѣйшимъ образомъ связана была съ жизнью государства, съ опредѣленнымъ государственнымъ строемъ.

Русское государство начинаетъ жизнь на новыхъ началахъ. Естественно, что въ умахъ—сердцахъ, воспитавшихся при условіяхъ стараго государственнаго строя, возникаетъ тревожный вопросъ, какъ же будетъ существовать при новомъ строѣ русская православная церковь, каково будетъ ея положеніе. Но это—совершенно напрасная тревога.

Исполнительнаго Комитета, долженъ сознаться, пока еще не имѣеть документа—протоколъ мною еще не заслушанъ и не подписанъ. Но очень благодаренъ г. Г. Юдину за печатныя его строки: «ко мнѣ (т. е. къ г. Г. Юдину) обратились съ просьбой составить смѣту на изданіе *новой* (курсивъ Г. Юдина) газеты и я ее набросалъ, взявъ приблизительныя цифры». Считаю нужнымъ и полностью представить подлинникъ полученнаго мною письма изъ Редакціи «Воронежскаго Дня».

Вотъ это письмо: «М. Г. Мѣсто въ газетѣ для Вашего отвѣта на статью, помѣщенную въ пасхальномъ номерѣ, можетъ быть отвѣно въ размѣрѣ самой статьи, не больше, и при условіи, если Ваше возраженіе не будетъ имѣть полемическаго характера». Слѣдуетъ подпись.

Открытое письмо мое къ «заинтересованнымъ» въ нашемъ „Вынужденномъ словѣ“ помѣщено въ „Воронежскіи Телеграфъ“ № 75.

Возьмите понятіе о церкви даже въ томъ видѣ, какъ оно формулировано въ Катихизисѣ м. Филарета. „Церковь есть общество вѣрующихъ во Христа, соединенныхъ вѣрою, священно-началіемъ и таинствами“—говорится въ этомъ опредѣленіи. Развѣ здѣсь указанъ опредѣленный государственный строй, съ которымъ связана жизнь церкви? Какая конечная цѣль этого общества вѣрующихъ? Достиженіе спасенія тамъ, въ вѣчной жизни, за гробомъ, а развѣ нужна для этой конечной цѣли опредѣленная форма государственной жизни? Развѣ Господь нашъ І. Христосъ и Его апостолы обусловливали жизнь вѣрующихъ здѣсь на землѣ опредѣленными государственными формами? Эта связь церкви съ государствомъ и стала господствующей. Основныя функціи церкви могутъ осуществляться при различныхъ формахъ государственнаго строя. Церковь молится, но для совершенія этой молитвы безразличенъ государственный строй; точно также при всякомъ государственномъ строѣ возможно и благодатное освященіе церкви въ таинствахъ.—Церковь учитъ, назидаетъ, но и это наученіе и назиданіе можетъ вестись независимо отъ того или иного государственнаго строя. Цѣль наученія и назиданія раскрытіе истинъ православной вѣры и основныхъ правилъ христіанскаго образа дѣйствій; нужно учить тому, какъ вѣровать и жить по христіански. А для христіанства нѣсть Еллинъ или іудей, монархистъ или республиканецъ; христіаниномъ можно быть на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Отсюда—въ церкви не должно быть мѣста политической проповѣди; съ церковной каѳедры не можетъ проповѣдываться какая-либо политическая платформа; церковь можетъ освящать и уяснять только христіанскія нормы жизни. Странно было-бы, если-бы съ церковной каѳедры проповѣдникъ сталъ излагать исторію и функціи учредительнаго собранія, способа выбора его членовъ и т. п., во, намъ кажется было-бы вполне естественно,

если бы пастырь—проповѣдникъ предъ этимъ собраніемъ раскрылъ всю важность этого историческаго момента, нравственную отвѣтственность выборовъ, нравственныя обязанности избирающихъ и избираемыхъ и т. д. Это не было-бы политической проповѣдью, а христіанскимъ освѣщеніемъ важнѣйшаго изъ моментовъ общественной жизни.

Вообще чисто церковная жизнь не обуславливается тѣмъ или инымъ государственнымъ строемъ. Но церковь, какъ общество, имѣетъ опредѣленную т. с. мірскую организацію и по этой сторонѣ она связана и съ государственнымъ строемъ. Отсюда можно спросить, какой же государственный строй для церкви лучше—прежній самодержавный строй или тотъ новый строй жизни, какой предстоитъ Россіи? Если мы будемъ имѣть въ виду настоящее понятіе о церкви, конечную цѣль церкви, то намъ казалось бы, что въ свободномъ государствѣ и организація церковной жизни можетъ быть болѣе лучшая.

Вотъ краткая замѣтка по одному изъ злободневныхъ вопросовъ настоящаго момента. Конечно этотъ вопросъ слишкомъ широкъ, важенъ и труденъ, чтобы безапелляционно разрѣшить его въ нѣсколькихъ строкахъ и мы здѣсь дали только т. с. схему того, въ какомъ направленіи онъ можетъ быть рѣшенъ. (В. Е. В.).

Изъ свѣтской печати.

Въ газетѣ „Утро Россіи“ въ статьѣ „Религіозная свобода въ новой конституціи“ проф. Верховскимъ высказываются небезынтересныя мысли, касающіяся будущаго положенія нашей церкви.

„Только что совершившійся государственный переворотъ, конечно, съ логической неизбѣжностью вызоветъ установленіе въ Россіи полной свободы совѣсти...

Свобода совѣсти, какъ всѣ знаютъ, состоитъ въ правѣ каждаго лица вѣрить въ то, что ему нравится, или вовсе не вѣрить ни во что. Мало того, свобода совѣсти означаетъ еще и право проявлять во вѣѣ и свободно проповѣдывать свою вѣру или свое невѣріе, а также вступать со своими единомышленными въ религіозныя общества и устраивать свой собственный культъ. При этомъ свобода совѣсти уже переходитъ въ свободу культовъ, отношеніе къ которымъ у государства можетъ быть двоякое.

Во-первыхъ, государство можетъ смотрѣть на всѣ культы, какъ на *частныя* ассоціаціи и общества. Въ этомъ случаѣ оно считаетъ себя обязаннымъ лишь контролировать ихъ, осуществлять надъ ними надзоръ и совершенно не думаетъ ихъ какъ-нибудь поддерживать. Государство какъ бы ссорится съ культами, отрекается отъ нихъ, не признавая за ними ихъ культурнаго значенія. Въ результатѣ устанавливается система отдѣленія церкви отъ государства, принятая Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами съ конца XVIII в. и Франціей съ 1905 г.

Во-вторыхъ, государство можетъ смотрѣть на всѣ культы, какъ на институты и ассоціаціи *публично-правового* характера, уважая ихъ историческое происхожденіе, цѣня культурныя заслуги и моральное значеніе. Въ этомъ случаѣ, соблюдая свободу совѣсти и сохраняя незыблемость своего суверенитета, государство можетъ оказывать культамъ юридическую и матеріальную поддержку подобно тому, какъ оно покровительствуетъ наукамъ, искусству, литературѣ и. д. Такое отношеніе носить техническое названіе—системы государственнаго надъ церквами верховенства, осуществляемой въ Германіи и другихъ государствахъ Западной Европы.

Исходя изъ того положенія, что современное правовое государство, которымъ должно стать русское государство при ооновленномъ строѣ, можетъ устанавливать свое отношеніе

къ культуамъ въ двойной формѣ, желательно, чтобы члены будущаго Учредительнаго Собранія внимательно взвѣсили, какая изъ этихъ двухъ системъ полезнѣе Россіи.

Надо думать, что для отдѣленія церкви отъ государства въ Россіи нѣтъ основаній. Правда, наша церковная іерархія и нѣкоторые представители бѣлаго духовенства, особенно въ послѣднее время, слишкомъ унизили себя своимъ холопствомъ, доходившимъ до заискиванія ихъ предъ Григоріемъ Распутинымъ, но въ этомъ вовсе не виновато все духовенство въ его цѣломъ, которое вѣками служить и еще будетъ служить русскому народу. Въ массѣ своей духовенство никогда не было заражено клерикализмомъ въ грубой формѣ, и я вѣрю, что въ обновленной Россіи оно откажется даже и отъ тѣхъ своихъ тенденцій, на которыя я обращалъ въ послѣднее время вниманіе въ печати.

Между тѣмъ послѣдовательно проведенная система отдѣленія церкви отъ государства обратитъ православную церковь, насчитывающую до 121 милліона православныхъ, наравнѣ съ другими культурами, въ частное религіозное общество, лишитъ всѣ культы ихъ храмовъ, монастырей, зданий и собственности, которыя государство и будетъ сдавать въ наемъ для богослуженія и другихъ религіозныхъ цѣлей, какъ это и есть во Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ государство лишитъ духовенство всякаго жалованья и отдастъ его на произволь все еще бѣднаго прихожанина.

Другое дѣло, если въ тексты новой конституціи будутъ введены нормы, характеризующія систему государственнаго надъ церквами верховенства. Въ этомъ случаѣ такъ же безпрепятственно получить свое осуществленіе полная свобода совѣсти и могутъ быть выведены изъ нея всѣ слѣдствія. Но культы будутъ признаны государствомъ, какъ публично-цѣнные культурныя установленія и ассоціаціи, и потому оно будетъ ихъ поддерживать и юридически и мораль-

но въ соответствіи съ тѣмъ, какое историческое и культурное значеніе имѣетъ каждый изъ культовъ, и много ли приверженцевъ онъ имѣетъ. Это справедливое отношеніе воздастъ каждому культу свое, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не сдѣлается государственнымъ или господствующимъ, потому что само государство должно будетъ признать себя безконфессіональнымъ и безрелигіознымъ.

Несомнѣнно, что именно эта система гораздо полезнѣе Россіи; гдѣ религіозные запросы еще очень велики, и гдѣ введеніе еще новыхъ церковныхъ налоговъ для поддержанія духовенства, храмовъ, духовно-учебныхъ заведеній и т. д., по крайней мѣрѣ, въ короткій срокъ, было бы весьма трудно осуществимымъ, особенно безъ санкціи государства. (В. Е. В.).

Памяти матушки игуменіи Таисіи.

2-го января 1916 года исполнился годъ со дня блаженной кончины матушки Таисіи, бывшей игуменіи Леушинскаго монастыря.

Въ нашемъ журналѣ, по случаю ея кончины, въ прошедшемъ 1915 году было помѣщено нѣсколько статей, посвященныхъ памяти ея.

Нынѣ, въ годовщину ея смерти, мы начинаемъ помѣщать въ нашемъ журналѣ недавно доставленную намъ автобіографію покойной игуменіи Таисіи подъ заглавіемъ: Записки игуменіи Таисіи. Въ этой автобіографіи, писанной съ вѣдома и благословенія почившаго приснопамятнаго батюшки отца Іоанна ¹⁾ мы видимъ замѣчательное дѣйствіе Промысла

---

¹⁾ Батюшка читалъ эту автобіографію и въ концѣ ея собственноручно написалъ: „Благословляю печатать эту книгу, какъ достойную печати на память будущимъ родимъ и во славу Божию“. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ 31 окт. 1906 г.

Божія, сказавшееся во всей жизни почившей матушки. Можно сказать несомнѣнно, что она съ самыхъ малыхъ лѣтъ была избрана Промысломъ Божиимъ на служеніе Святой Церкви и на пользу ближнихъ своихъ въ званіи монашескомъ.

И это званіе пришлось проходить ей при несеніи весьма тяжелаго креста.

Сама она свидѣтельствуеть, что крестъ ненависти и зависти къ ней людской—былъ спутникомъ всей ея долготнѣй жизни.

„Этотъ крестъ—пишетъ матушка Таисія въ своей автобіографіи—станеть надъ моею могилою не только какъ обычное украшеніе христіанскихъ могилъ, но и какъ символъ *крестоношенія* погребенной подъ нимъ, какъ неотъемлемая принадлежность моя“.

Но этотъ крестъ и привелъ ее на высоту христіанскаго подвига, содѣлалъ ее истинною исполнительницею заповѣди Спасителя: „Кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и за Мною грядеть“.

Читая внимательно эту автобіографію игуменіи Таисіи, мы можемъ ясно видѣть всю величину и всю тяжесть иноческаго подвига, а также видѣть и все настоящее значеніе иноческой жизни, какъ для желающихъ найти вѣрный путь спасенія, такъ и для мірянъ, которые, находясь въ суетѣ житейской, могутъ видѣть изъ этой автобіографіи, что „*Богъ въ тяжестихъ Его знаемъ есть*“, что если и посвятившіе себя иноческому служенію могутъ истинно познавать Бога только чрезъ посылаемыя имъ испытанія, то тѣмъ болѣе, увлеченные житейскою суетою, могутъ возникнуть изъ этой грѣховной сѣти только чрезъ путь того крестоношенія, какой Господь, желающій всѣмъ спастись и въ разумъ истины пріити, посылаетъ и каждому мірянину, лишь бы онъ слышалъ этотъ зовъ и слѣдовалъ ему.

Чтеніе автобіографіи матушки и можетъ отрезвить многихъ мірянъ. (К. П.).

Протопресвитеръ *Александръ Дерновъ.*

28 дек. 1915 года.

Записки игуменіи Таисіи.

Вмѣсто предисловія.

Не по своей волѣ или желанію, начинаю я эту записку; и не только не по желанію, но даже и противъ его; единственно, изъ послушанія людямъ, гораздо болѣе меня опытнымъ, безъ сравненія умнѣйшимъ меня и болѣе духовнымъ, людямъ извѣстнымъ не только мнѣ, убогой, но и всѣмъ ревнующимъ о жизни богоугодной и о спасеніи своихъ душъ.

Въ 1885-мъ году привелъ меня Господь побывать во св. градѣ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, гдѣ въ то время еще подвизался всѣми почитаемый за святость жизни игуменъ Агапий, въ схимѣ Θεодосій, который и состоялъ духовникомъ для лицъ освященныхъ (т. е. носящихъ какой-либо священный санъ). Я была уже игуменіею и имѣла счастье и на исповѣди быть у него, и вообще открыть ему всю свою душу, чего мнѣ давно хотѣлось и чего я искала, и о чемъ и Бога просила.

Между прочимъ тяготила меня, или вѣрнѣе сказать, заботила меня мысль о томъ, что я, будучи такая немощная и грѣшная, сподоблялась въ жизни своей многихъ чудныхъ явленій и видѣній; я даже иногда начинала опасаться „не прелесть-ли это вражія“, каковой я по своей неопытности не понимаю, и меня страшно пугала мысль быть прельщенной и обманутой. Найдя въ лицѣ старца схиигу-

мена Θεодосія такого не только духовно опытнаго, но и прозорливаго духовника, какъ всѣ признавали его, какъ и я сама испытала собственнымъ опытомъ, я, конечно, открыла ему всю свою душу; и всѣ тайны, всѣ мысли ея повергла на его мудрое усмотрѣніе и просила разрѣшить мое недоумѣніе относительно и моихъ видѣній. И вотъ великій мужъ, не нашедъ въ нихъ ничего опаснаго, призналъ ихъ напротивъ за знаменіе милости ко мнѣ Божіей, и, кромѣ того, совѣтовалъ, настоятельно совѣтовалъ мнѣ ихъ всѣ записывать, какъ для своей собственной памяти, такъ, по словамъ его, и на пользу другимъ. Эти-то послѣднія слова и страшили меня; хотя я и дала ему обѣщаніе тотчасъ же заняться записью, но рѣшительно не дерзала приняться за это дѣло.

„Кто я“, думаю и теперь, „что чрезъ меня, грѣшную, будетъ Господь пользоваться другихъ, болѣе меня достойныхъ предъ Нимъ“. Да если еще, прочитавъ или услышавъ объ этихъ чудныхъ явленіяхъ мнѣ, кто-нибудь помыслить обо мнѣ что-либо доброе, какъ бы о удостоившейся этого, по заслугамъ, то какому отвѣту подлежу я предъ Господомъ, сказавшимъ: *„горе вамъ егда добръ о васъ рекутъ чело-вѣци“* и еще: *„горе вамъ славу другъ отъ друга приѣмлющимъ“*. О, не подумайте, родные мои, не подумайте, Богомъ умоляю васъ всѣхъ, кому случится прочесть эти записки, что во мнѣ могло бы быть что-либо заслуживающее милости Божіей; вѣрно слово, что „благодать и сила Божія въ немощѣхъ совершаются, тамъ именно, гдѣ умножается грѣхъ“; ибо „хотѣніемъ не хочеть—Богъ смерти грѣшника, но еже обратитися ему“. Такъ и меня-то грѣшную Господь искалъ во всю мою жизнь, и вель меня десницею Своею, какъ мать ведетъ дитя свое неразумное, чтобы оно, неумѣющее ходить по скользкимъ путямъ, не упало и не повредило себя. Но, опять повторяю, я не рѣшалась пре-

дать это гласности, т. е. написать, и даже несмотря на приказаніе глубоко чтимаго и любимаго мною старца схигумена Θεодосія, коего память для меня священна, какъ память праведника,—не знаю, и рѣшилась-ли бы я на это, если бы не послѣдовало и еще одного къ сему побужденія. Однажды довелось мнѣ болѣе часа бесѣдовать наединѣ съ общеизвѣстнымъ нашимъ свѣтильникомъ о. Іоанномъ Сергіевымъ-Кронштадтскимъ. Когда разговорились мы съ нимъ о вышеприведенномъ предметѣ, то и онъ сталъ доказывать мнѣ необходимость предать записи всѣ бывшія мнѣ явленія и видѣнія, каковыя, по мнѣнію его, имѣютъ много назидательнаго смысла и значенія, не только единолично для меня самой, но для другихъ. Итакъ, исполняя послушаніе къ великимъ, духовнымъ мужамъ, я приступила къ дѣлу, съ благословенія и съ помощію Господа. Бога же призываю въ свидѣтели, что пишу чистую правду и истину, настолько справедливо, насколько доступно передать словомъ необъяснимое, высшее, и насколько сохранила во мнѣ все сіе моя память, безъ всякой прикрасы, въ полной истинѣ.

I.

Родители мои происходили изъ древнихъ дворянскихъ фамилій; отецъ—потомственный дворянинъ, помѣщикъ Новгород. губер., Боровичскаго уѣзда, В. В. Солоповъ, а мать, москвичка, изъ рода Пушкиныхъ. Родителей своихъ она или не помнила, или же, что вѣрнѣе было бы предположить, намѣренно ихъ не вспоминала и на случайные мои о нихъ вопросы, вызывавшіе всегда въ ней чувство грусти,—уклонялась отвѣчать.

Еще малюткою осталась она на рукахъ старца-дѣдушки Осипа Алек. В., котораго и называла отцомъ; да и дѣйствительно онъ замѣнялъ для нея самаго нѣжнаго и забот-

ливаго отца. Онъ былъ человѣкъ вдовый, одинокій и уже преклонныхъ лѣтъ, но, несмотря на то, всецѣло отдался заботамъ о ней, которыя раздѣляла съ нимъ и незабвенная ея няня, также уже не молодая женщина. Когда ей наступилъ 8-й годъ отъ роду, дѣдушка помѣстилъ ее въ пансіонъ (въ то время лучшій въ Москвѣ) г-жи Дельсаль на полное содержаніе, куда переселилась и няня ея, для отдѣльнаго ухода за его любимицей, что, вѣроятно, въ то время было принято въ пансіонахъ, или же допускалось въ видѣ исключенія. Въ 1834-мъ году на 14-мъ году отъ рожденія мать моя окончила свое воспитаніе въ пансіонѣ (получила аттестатъ, хранящійся у меня и по сейчасъ) и вмѣстѣ съ няней вернулась подъ мирный и гостепріимный покровъ дѣдушки. Но не долго суждено было отдохнуть и понѣжиться бѣдняжкѣ сироткѣ подъ этимъ кровомъ. Отъ колыбели до могилы не улыбнулось ей счастье никогда. Дѣдушка былъ человѣкъ мнительный; каждая малѣйшая болѣзнь, по мнѣнію его, угрожала ему смертію, а сироткѣ его—совершеннымъ одиночествомъ, и онъ сталъ спѣшить устроить ея судьбу,—выдать ее замужъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ ему почему-то не хотѣлось ее пристроить, и онъ переселился съ нею и со всемъ своимъ имуществомъ въ Петербургъ. Вотъ слова самой матери моей о ея судьбѣ.

„Едва минуло мнѣ 15 л., я помню, что еще любила играть въ куклы, а мнѣ стали все твердить о женихахъ и о свадьбѣ. Конечно, о томъ, нравятся ли мнѣ кто-нибудь, или нѣтъ, меня не спрашивали, да и сама я не понимала этого, да и вовсе не понимала условій супружеской жизни. Я воображала въ лицѣ мужа второго отца и покровителя, что внушалъ мнѣ и дѣдушка, щедро наградившій меня приданымъ и деньгами. А главное, драгоценнѣйшее мое при-

даное—это моя неразлучная, безцѣнная няня, мой единственный другъ и свидѣтель всего.

Когда столкнулась я съ супружеской жизнью лицомъ къ лицу, то стала смотрѣть на мужа скорѣе съ ужасомъ и страхомъ, чѣмъ съ любовію, которой и раньше не имѣла. Сознаніе безповоротности своего положенія томило меня до отчаянія; я плакала, скорбѣла безутѣшно. Строгая и суровая свекровь, жившая съ нами, преслѣдовала и журила меня за мои слезы, и мужу моему старалась объяснить ихъ моею нелюбовію къ нему.

Когда случалось мнѣ видѣться со старичкомъ — отцомъ моимъ, предъ которымъ я надѣялась излить свою тоску и облегчить ее, то и тутъ видѣла слѣды жалобъ на меня и слышала однѣ сухія старческія назиданія и морали. Черезъ годъ родился у меня ребенокъ; ожидая его появленія на свѣтъ Божій, я утѣшалась надеждою, что онъ-то, этотъ младенецъ, будетъ мнѣ Ангеломъ-утѣшителемъ, что ему я отдамъ всю свою жизнь, посвятивъ ее его вскармленію и воспитанію; но и этого не судилъ мнѣ даровать Господь; черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, лишь успѣли просвѣтить новорожденного таинствомъ крещенія,—онъ скончался, отъ чрезмѣрной слабости. Года черезъ два повторилось то же, и я уже отчаялась имѣть утѣшеніе въ дѣтяхъ, утѣшеніе единственное, по мнѣнію моему, доступное мнѣ. Много и горячо молилась я о томъ, чтобы Господь не лишалъ меня этого утѣшенія. далъ бы мнѣ хотя одно дитя, оставивъ его въ живыхъ; особенно-же молилась я объ этомъ Матери Божіей, нарочно ходила пѣшкомъ въ Ея чудотворнымъ иконамъ, предъ которыми изливала свои слезныя мольбы, дерзновенно напоминая Ей, что Она сама была Матерью и можетъ сочувствовать скорби земныхъ матерей, хотя и грѣшныхъ и недостойныхъ Ея помощи, но въ Ней имѣющихъ единую, твердую надежду.

И не посрамила меня Владычица, надежда ненадежных. Она даровала мнѣ дитя,—дочь, которую я изъ чувства благодарности къ Ней и назвала Ея именемъ „Марію“.

Этою счастливою Марією, Богомъ дарованною на утѣшеніе скорбной матери дочерью, и была я, недостойная, пащущая эти строки; я, въ монашескомъ образѣ принявшая имя Таисіи, а нынѣ уже имѣющая около 60-ли л. отъ рожденія, игуменія пустыннаго монастыря.

Какъ прежде моего рожденія, такъ и послѣ его, родители мои дѣтей не имѣли въ живыхъ; когда уже мнѣ было 8 лѣтъ,—родился сынъ Николай, прожившій лишь 10 мѣсяцевъ и скончавшійся, оставивъ великую скорбь по себѣ не только родителямъ, но и мнѣ.

Когда мать моя молилась о дарованіи и сохраненіи ей ребенка, она давала многіе священные обѣты, какъ сама мнѣ объ этомъ говорила. Одинъ изъ такихъ обѣтовъ состоялъ въ томъ, чтобы всѣми силами стараться вложить въ сердце ребенка страхъ Божій, любовь къ Богу и ближнимъ и вообще сдѣлать его хорошимъ христіаниномъ. Она со всѣмъ усердіемъ старалась выполнить этотъ обѣтъ, внушая мнѣ еще съ самаго младенческаго возраста всѣ правила христіанской жизни, стараясь примѣнять ихъ во всемъ и ко всему, что какимъ либо путемъ было доступно моимъ дѣтскимъ понятіямъ.!

До сего времени помню я нѣкоторые примѣры такого христіанскаго воспитанія, вполне достигшаго цѣли (примѣнительно дѣтскому развитію). Я уже упоминала, что до 8-милѣтняго возраста была единственнымъ ребенкомъ родителей. Отецъ постоянно находился на службѣ, нерѣдко ѣздилъ „въ плаваніе“. Бабушка давно уже не жила съ нами, а мы съ матерью моей были всегда неразлучны, до времени поступленія моего въ институтъ. Бывало, закупить мнѣ мно-

го гостинцевъ, отдасть ихъ въ полное мое распоряженіе, и прежде всего прикажетъ все разложить на столѣ, чтобы видѣть все; затѣмъ какъ будто мимоходомъ подойдетъ ко мнѣ, и указывая на столъ, говоритъ: „ахъ, Машенька, какая же ты богатая, счастливая, сколько у тебя разныхъ лакомствъ, а у другихъ-то несчастныхъ, бѣдненькихъ и хлѣбца нѣтъ,—ты бы подѣлилась съ ними, они бы за тебя Богу помолились, а молитва нищенки доходна до Бога“. Расположенная такими словами матери, я отдавала матери все до послѣдняго, и она, не отказываясь, принимала все, говоря, что знаетъ много бѣдненькихъ, которые часто ее просятъ, и что отдасть имъ все это. Черезъ нѣсколько же времени она подзывала меня и снова давала мнѣ часть гостинцевъ или тѣхъ же самыхъ, или подобныхъ имъ, говоря; „вотъ ты была добрая дѣвочка, подѣлилась съ нищенками,—вотъ тебѣ Господь и еще послалъ, благодари Его, когда будешь молиться, и всегда, всегда дѣлись, Онъ будетъ любить тебя“. Сдѣлала она мнѣ копилку, куда часто опускали мнѣ, въ мою собственность, серебряные пяточки; когда я съ няней шла гулять,—она всегда напоминала мнѣ: „а что-жъ ты не взяла *твоихъ* денегъ,—вдругъ попадутся нищенки,—и подать нечего, онѣ заплачутъ и Господь разсердится на тебя, что ты ихъ не утѣшила“. Такъ приучала она меня съ малолѣтства къ великой добродѣтели—милосердія и любви къ бѣднымъ. Не смѣю сказать, чтобы съмя это принесло обильный плодъ, но во славу имени Божія скажу, что случилось мнѣ впоследствии и платьѣ (изъ подъ верхней одежды) снимать для отдачи его нищимъ, не только что дѣлиться съ ними послѣднимъ. Умѣла она расположить и приучать меня и къ молитвѣ. Такъ, напр.: были мы съ нею на рождественскихъ праздникахъ гдѣ-то на „елкѣ“; я была еще очень мала, не старше 3-хлѣтняго возраста. Очень понравилось мнѣ это дѣтское утѣшеніе, и возвратившись домой, я стала

просить маму устроить и у насъ такую-же елку. Что-же она мнѣ отвѣтила?

— „Это, Машенька, дѣлается только для тѣхъ дѣтей, которыя хорошо и усердно Богу молятся; молись хорошенько и у тебя будетъ „елка“; Господь милостивый, Онъ всегда исполняетъ наши просьбы, наши молитвы“. То же повторяла она мнѣ и при другихъ случаяхъ, и понуждала молиться.

Часто также бесѣдовала она со мною, рассказывала событія изъ свящ. исторіи, особенно о страданіи Спасителя. Бывало, сидитъ она у окна своей комнаты и шьетъ, работаетъ что-нибудь, а я пріючусь на скамеечку у ея колѣнъ и слушаю ея рассказы. Мнѣ было не болѣе 4-хъ лѣтъ, когда я могла уже читать безъ складовъ, хотя и не быстро и знала съ рассказовъ матери всю свящ. исторію земной жизни Спасителя (кромѣ Его ученія и притчей); обладая хорошею памятью, неизмѣняющею мнѣ и по настоящее время, я легко запоминала слышанное.

II.

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ покровомъ и наблюденіемъ благочестивой моей матери, протекало мое дѣтство. Когда мнѣ было 8 л., родился, какъ я упоминала, братъ Николай; мать не могла уже тогда такъ исключительно посвящать мнѣ все свое время, а между тѣмъ меня надо было готовить къ поступленію въ институтъ, и мнѣ наняли гувернантку. Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, меня опредѣлили въ Павловскій институтъ, что на Знаменской улицѣ, куда свезъ меня мой отецъ, и благословивъ, оставилъ въ неутѣшныхъ слезахъ и раданіяхъ. Мысль о томъ что на нѣсколько лѣтъ разлучили меня съ родительскимъ кровомъ, съ ихъ ласками, особенно съ нѣжно любящей матерью, которая и сама до такой степени была разстроена этою раз-

лукою, что не имѣла силы проводить меня въ институтъ, мысль объ этомъ и воспоминаніе всего невозвратно прошедшаго дорогого сердцу,—не давала мнѣ покоя, не давала возможности заняться ученіемъ. Только благодаря богатымъ способностямъ, съ большимъ усиліемъ я, прочитавъ хотя однажды, заданные уроки,—отвѣчала ихъ и слѣдовала за классомъ. Скоро, впрочемъ, мой дѣтскій организмъ надломился; сдѣлались у меня сильнѣйшія головныя боли, затѣмъ воспаленіе глазъ, и я совсѣмъ ослѣпла. Меня, конечно, положили въ лазаретъ; новая бѣда удвоила скорби, я продолжала плакать и плакать безутѣшно. Отъ этого ли или отъ оцлошности институтскаго врача (не глазного) воспаленіе глазъ перешло въ бѣльма, и я окончательно, совершенно лишилась зрѣнія. Мнѣ стали сводить эти бѣльма яписомъ, что причиняло ужасную боль и страданія, а облегченія ни малѣйшаго.

Родителямъ моимъ, которые съ наступленіемъ весны уѣхали въ свою усадьбу, не давали почему-то знать о случившемся со мною, а сама я писать не могла; такимъ образомъ страданія мои и слѣпота моя продолжались до осени. Наконецъ пріѣхалъ въ лазаретъ глазной докторъ Денеске и, нашедъ лечение неправильнымъ, посоветовалъ помѣстить меня въ глазную лечебницу, находившуюся подъ его вѣдѣніемъ, куда меня и помѣстили.

Впрочемъ и тамъ я не получала ни малѣйшаго облегченія; не могу сказать, сколько именно времени я тамъ пробыла, но о помѣщеніи моемъ туда дали знать родителямъ, которые тотчасъ-же пріѣхали за мною и, исхлопотавъ, чтобы вакансія моя не была замѣщена другою воспитанницею, взяли меня изъ института впредь до излеченія и увезли въ усадьбу. Привезли меня туда совершенно слѣпую, не видѣвшую даже солнечныхъ лучей. Способъ лечения, которымъ пользовали меня врачи, былъ совершенно оставленъ,

и меня стали лечить болѣе домашними средствами, а главное воздухомъ, — меня почти не пускали въ комнаты, въ теченіе цѣлаго дня. По той ли или иной причинѣ, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я снова увидѣла свѣтъ, и зрѣніе мое стало быстро возвращаться, такъ что въ концѣ того-же года меня уже привезли обратно въ институтъ; я видѣла довольно хорошо и могла заниматься, хотя впрочемъ при свѣтѣ лампъ очень затруднялась читать и писать, что и осталось моимъ достояніемъ на всю мою дальнѣйшую жизнь, и по сіе время я страдаю слабостію зрѣнія и съ трудомъ занимаюсь при огнѣ. Но слава Богу и за такое излеченіе; не многимъ слѣпцамъ достается на долю совершенное прозрѣніе. Въ институтѣ потекла моя жизнь своимъ обычнымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что лишившись навсегда хорошаго зрѣнія, я, при малѣйшемъ напряженіи его при занятіяхъ, рисковала повредить и послѣднее, да мнѣ и запрещали заниматься по вечерамъ.

Впрочемъ это не препятствовало мнѣ не только слѣдовать вмѣстѣ съ классомъ, но и быть одной изъ самыхъ лучшихъ ученицъ; Господь, лишивъ меня внѣшняго зрѣнія, въ то же время просвѣщаль болѣе мои понятія и память, которыя значительно развились отъ того, что въ силу необходимости дѣлались онѣ основаніемъ всего дѣла моего обученія, а не книги и тетради.

Въ то время между нашими учителями существовалъ слѣд. способъ преподаванія: спросивъ заданный урокъ нѣкоторыхъ изъ воспитанницъ, учитель приступалъ къ разъясненію слѣдующаго урока и это разъясненіе давалъ гораздо болѣе подробно, чѣмъ въ книгѣ; тѣмъ, кто болѣе и точнѣе усвоить и передастъ эти подробности, прибавлялись баллы. Не надѣясь на помощь книги, я напрягала все свое вниманіе на рассказъ учителя и, благодаря памяти, усваивала его почти слово въ слово, затѣмъ по просьбѣ подругъ

повторяла имъ неоднократно одно и то же, а чрезъ то твердо и неизмѣнно заучивала все пройденное. Меня прозвали слѣпой мудрецъ“, хотя я и не была ни слѣпа, ни мудра, но эта кличка сопровождала меня во все время моего воспитанія. Да и не одна эта, и много кличекъ или названій присвоилось мнѣ, какъ обычно во всѣхъ казенныхъ заведеніяхъ даютъ ихъ другъ другу; меня называли еще „монахиней“, „игуменьей“, а когда кому въ чемъ либо не угожу, те и „святошей“, но всѣ эти наименованія сводились къ одной характеристикѣ моего религіознаго настроенія. Это настроеніе было какъ бы прирожденнымъ, но оно вошло въ болѣе полную силу, когда мнѣ было 12 лѣтъ, послѣ слѣдующаго обстоятельства.

Когда я была еще въ 6-мъ (т. е. во 2-мъ отъ младшаго) классѣ, у насъ въ институтѣ случилась эпидемія—корь, уложившая въ постели почти всѣ младшіе и часть старшихъ классовъ воспитанницъ. Это было весною, наступалъ Великій постъ. Не только все огромное помѣщеніе лазарета было переполнено больными, но и болѣе просторные дортуары были заняты ими. Между прочимъ корь посѣтила и меня, и въ такой сильной степени, что меня положили въ лазаретъ въ „трубное“ отдѣленіе, гдѣ и днемъ не поднимались густо-зеленая шторы на окнахъ; въ цѣлдневномъ полумракѣ мы лежали, дѣйствительно, полуживыя отъ осложнившейся болѣзни. Наступала Страстная седмица, а за нею и св. Пасха; мы сознавали великость и торжественность дней, и это сознаніе увеличивало тоску. Но вотъ наступила и Свѣтлая ночь на Великій Христовъ день. Не помню ничего особеннаго о томъ, какъ я съ вечера заснула, только среди ночи я была разбужена слышаніемъ какого то шороха. Проснувшись,—стала прислушиваться; слышу шорохъ какой-то необычайный, какъ будто шелестъ крыльевъ птицы. Открываю глаза, и въ удивленіи вижу совершенно ясно и очевидно, среди полнѣйшей ночной темноты, какое-то существо солнцезобразно свѣтлое, крылатое, летающее подъ потолкомъ и повторяющее человѣческимъ голосомъ слова:

„Христось воскресе! Христось воскресе!“ Какого вида было это существо, я не могу сказать ничего, кромѣ видѣнной какъ-бы дѣтской головки между двумя крылышками. О, какую неземную радость почувствовала и моя дѣтская душа! Точно влилось въ нее что то дотолѣ ей невѣдомое, сладкое, овладѣвшее ею всецѣло. Я сѣла на своей постелькѣ и такъ внимала летающему, точно бы онъ именно ко мнѣ прилетѣлъ, меня и привѣтствовалъ. Долго ли продолжалось это мое наслажденіе, я не могу сказать; но оно было прервано подошедшей ко мнѣ дежурной горничной, которая, замѣтивъ, что я сижу, поспѣшила уложить меня. Я снова уснула подъ впечатлѣніемъ сладкаго чувства, но съ нимъ же опять и пробудилась на утро, причемъ все вспомнилось мнѣ видѣнное и слышанное; а чувство, поселившееся при этомъ въ душу, уже никогда не оставляло ее и словно положило въ ней начало чему то новому таинственному, что и для меня самой до времени не было ясно.

Затѣмъ я выздоровѣла, вышла изъ лазарета въ классы, попрежнему начала заниматься, жизнь среди сверстницъ пошла своимъ обычнымъ порядкомъ; но въ глубинѣ моего сердца словно таилась какая-то затепливавшаяся искорка, какъ бы выжидая лишь случая разгорѣться ярче и свободнѣе.

Если признать это дѣло Божіимъ, то можно сказать, что Господь и не замедлилъ разжечь эту искру въ болѣе сильный огонь Его Божественной любви. (К. П.).

(Продолженіе будетъ).

Губернскій съѣздъ учащихъ церковныхъ школъ.

Собраніе учащихъ церковныхъ школъ г. Воронежа созываетъ на 5-е мая губернскій съѣздъ учащихъ церковныхъ школъ Воронежской губерніи.

Делегаты, выбранные отъ уѣздныхъ съѣздовъ церковныхъ школъ, должны явиться съ мандатами въ Воронежъ въ духовную семинарію, гдѣ имъ будетъ указана бесплатная квартира. Содержаніе делегатовъ въ Воронежѣ должно быть отнесено на счетъ уѣздныхъ отдѣленій. Учащимъ, пожелав-

шимъ пріѣхать на съѣздъ *на свой счетъ*, будетъ также предоставлено по возможности помѣщеніе.

Необходимо всѣмъ пріѣзжающимъ на съѣздъ взять съ собой провизію и постель.

Съѣздъ учащихъ церковныхъ школъ продолжится 5 и 6 мая, 7-го мая учащіе церковныхъ школъ предполагаютъ соединиться на общій губернской съѣздъ съ учащими земскихъ школъ.

Делегатовъ отъ уѣздныхъ съѣздовъ и желающихъ пріѣхать на свой счетъ просятъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ по адресу: Воронежъ, Митрофановъ монастырь, Епархіальному Наблюдателю Борису Андреевичу Рукину.

Заявленія эти надо представить съ такимъ расчетомъ, чтобы организаціонный комитетъ по устройству съѣзда получилъ ихъ не позже 2-го мая для распредѣленія участниковъ съѣзда по квартирамъ.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Вынужденное слово. — *Профессоръ Ботслова.*

Церковь и политическій строй.

Изъ свѣтской печати.

Записки игуменіи Таисіи.

Губернскій съѣздъ учащихъ церковныхъ школъ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ.*